

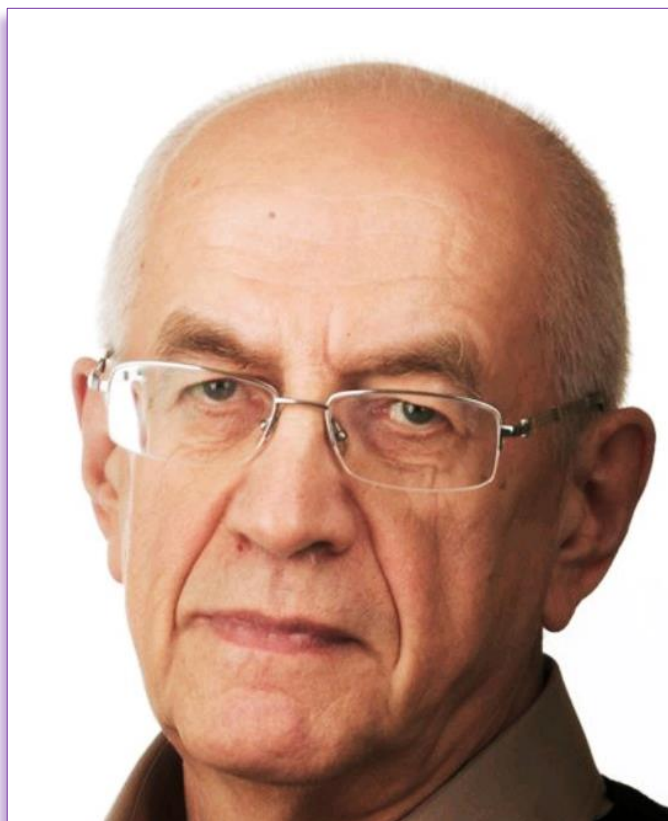
Оригинальная статья / Original article

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3\(16\)-189-223](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3(16)-189-223)

5.7.7. Социальная и политическая философия
УДК 130.2:791.43:101.8

КИНОРИТУАЛ ОБНОВЛЕНИЯ ЖИЗНИ: «IT'S A WONDERFUL LIFE» VS «ИРОНИЯ СУДЬБЫ»

Григорий Тульчинский,

Высшая школа

экономики,

Политехнический

университет

Петра Великого

(Санкт-Петербург,

Россия);

Балтийский федеральный

университет им. И. Канта

(Калининград, Россия)

Grigoriy Tulchinskii,

HSE University, Peter the

Great Polytechnic

(St. Petersburg, Russia);

Immanuel Kant Baltic

Federal University

(Kaliningrad, Russia)

ORCID: 0000-0002-5820-7333

e-mail: gtul@mail.ru

Аннотация. Каждая культура содержит практики поддержания собственной стабильности и воспроизводства. Среди таких практик важную роль играют ритуалы. Одной из форм ритуала в современной культуре массового общества являются кинофильмы. Ритуалы не только могут входить в их нарратацию. Некоторые фильмы становятся частью ритуалов или даже подобные ритуалы образуют. Статья содержит попытку раскрыть механизм смыслообразования, способного формировать такие киноритуалы. В анализе используется различие катафатической и апофатической смысловой картины мира, а также концепция глубокой семиотики. Это позволяет выделить два типа смыслообразования (стабилизация и потенцирование) и соответствующих им типов субъектности. В качестве материала сравнительного анализа выбраны два фильма: «It's a wonderful life» (США, 1946 г.) и «Ирония судьбы, или С легким паром» (СССР, 1975 г.), содержание которых тесно связано с традиционными в культуре своих стран ритуалами

обновления жизни, кроме того, указанные кинокартины и сами стали неотъемлемой частью подобных ритуалов.

Ключевые слова: апофатика, глубокая семиотика, катафатика, киноритуал, Новый год, Рождество, семиозис, субъектность

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 26-18-00672 «Знако- и смыслопорождение как семиопознание в языке, социально-культурных практиках, цифровой среде» (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Для цитирования статьи:

Тулчинский, Г. Л. (2026). Киноритуал обновления жизни: «It's a wonderful life» vs «Ирония судьбы». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 3 (16), 189–223. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3\(16\)-189-223](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3(16)-189-223)

**THE CINEMA RITUAL OF LIFE REVIVAL:
«IT'S A WONDERFUL LIFE» VS THE «IRONY OF FATE»**

Abstract. Every culture contains practices for maintaining its own stability and reproduction. Among such practices, rituals play an important role. One form of ritual in the culture of modern mass society is cinema. Rituals can not only be part of their narrative. Some films become part of rituals, or even create similar rituals. The article attempts to reveal the mechanism of meaning formation capable of forming such cinematic rituals. The analysis uses the distinction between the cataphatic and apophatic semantic worldviews, as well as the concept of deep semiotics. This allows us to identify two types of meaning formation (stabilization and potentiation) and the corresponding types of subjectivity. Two films were selected as material for comparative analysis: "It's a wonderful life" (USA) and "The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!" (USSR); their content is closely linked to the traditional rituals of life renewal in the cultures of their respective countries; moreover, these films themselves have become an integral part of such rituals.

Keywords: apophatics, deep semiotics, cataphatics, cinema ritual, New Year, Christmas, semiosis, subjectivity

Funding: the research was supported by the Russian National Science Foundation, grant No. 26-18-00672 "Knowledge and meaning generation as semiopoiesis in language, socio-cultural practices, and the digital environment" (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) at Immanuel Kant Baltic Federal University.

For citation:

Tulchinskii, G. L. (2026). The cinema ritual of life revival: «It's a wonderful life» vs «Irony of fate». *Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 3(16), 189–223. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3\(16\)-189-223](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-3(16)-189-223)

Предварительные соображения: культура, семиозис и киноритуал

Любая культура суть система создания, отбора, сохранения и трансляции социального опыта, определенного способа жизни. Тем самым, она выступает главным фактором социогенеза – консолидации сообщества носителей этой культуры, разделяющих правила (нормы) и желаемые цели (ценности), с достижением которых эти правила связаны. При этом, культура представляет собой не просто набор таких ценностей и норм, определяющих ее содержание и специфику. Будучи целостной системой, она способна не только к сохранению целостности и стабильности, но и к развитию. Для этого необходимы, фактически, уже упомянутые нами два условия. Во-первых, это упорядоченные практики, алгоритмы опыта, позволяющего эффективно решать жизненные задачи. Во-вторых, индивиды, освоившие эти практики и своим опытом эти практики обогащающие.

Между этими факторами нет линейной зависимости. Характер их взаимодействия не сводится к «диалектике», к которой прибегали советские философы, когда не могли показать и объяснить реальный механизм реализации процесса. А важно показать именно структуру и динамику воспроизводства и развития культуры. Именно такая попытка и предпринята в настоящей работе на конкретном примере.

Для реализации такой попытки используется несколько взаимосвязанных концепций. Так, Н. Луманом развито понимание культуры как системы самоописания, позволяющей маркировать различия посредством культурных форм [Луман, 2004; Luhmann,

1999]. Эта концепция была развита в кибернетике второго порядка [Foerster, 1960; Foerster, 2003; Kauffman, 2005; Kauffman, 2006] как кодировка самовоспроизведения системы в ее собственных формах (Eigenforms). Применительно к современной культуре массового общества речь может идти о ее рекурсивности, самовоспроизводстве с учетом национальной специфики.

Собственные культурные формы в практиках религии, политики, науки, искусства, обыденной жизни не только упорядочивают проявления социальности, но и задают идентичность, как конкретизацию личности носителей культуры, как содержание индивидуального самосознания. В этом плане каждая культура в своих формах задает систему осмысления окружающей действительности, определенную смысловую картину мира.

Следует отметить, что концепция культурных форм возникла под влиянием идей Дж. Спенсер-Брауна, согласно которому любое различие порождает знак, имеющий значение границы (мембраны) между системой и ее окружением [Spencer-Brown, 1972; Попков, 2022]. Эти идеи очень близки соображениям Аристотеля относительно развития как потенциирования, к которым мы еще вернемся. А пока стоит подчеркнуть, что, различия порождают знаки, а то, что культура представляет собой целостную знаковую систему, задающую контексты осмысления действительности – факт давно и хорошо известный [Лотман, 2010]. Поэтому семиотический подход, представления о реализации и динамке культуры как семиозисе является ключевым в дальнейшем рассмотрении. Оно будет опираться на концепцию глубокой

семиотики [Золян & Тульчинский, 2024; Тульчинский, 2019; Фещенко, 2020], в которой субъектность личности выступает источником, инструментом и результатом смыслообразования, фактором потенциирующего семиозиса.

Важнейшим фактором формирования и закрепления смысловой картины мира посредством повторения устойчивых комплексов эмоционально окрашенных переживаний являются регулярные повторы, природные, биологические, социально-культурные, стилистические ритмы [Витютенев и др., 2012]. К таким повторам относятся ритуалы различного уровня – регулярно, в определенное время и в определенном месте повторяемые действия, выражающие конкретные культурные обычаи и традиции. В этом плане ритуалы выступают символическими актами, важными для культуры различного уровня: национальной, конфессиональной профессиональной, семейной, возрастной. Можно сказать, что ритуалы являются механизмом аутопоэзиса – самовоспроизведения культуры и социализации личности.

В ритуальной практике современного общества важную роль играет кинематограф – как посредством демонстрации конкретных ритуалов, так и в плане использования самого кинопоказа (на профессиональных смотрах, праздниках) и кинопросмотра как части или даже самостоятельного ритуала.

Особый интерес среди ритуалов представляют практики обновления жизни [Тэрнер, 1983], перехода или перевода ее в новое качество: свадьбы, похороны, инициации, некоторые иные церемонии.

Предметом настоящей статьи являются именно киноритуалы, непосредственно связанные с празднованием рождественских и новогодних праздников в современных культурах российского и американского общества. Для сравнительного анализа выбран материал двух фильмов, наиболее популярных в контексте соответствующих праздников.

Это советский двухсерийный телевизионный художественный фильм «Ирония судьбы или С легким паром!», снятый Эльдаром Рязановым в 1975 году и впервые показанный 1 января 1976 года на Первой программе ЦТ СССР, в 1977 году он был удостоен Государственной премией. Фильм стал хитом новогодних телепрограмм в СССР и постсоветской России. Цитаты из него вошли в фольклор, по его сюжету сняты другие фильмы, в том числе за рубежом. И это фильм Фрэнка Капры «It's a wonderful life», снятый и впервые показанный на Рождество в 1946 году, который и до сих пор является наиболее популярным для семейных просмотров в Рождественский сочельник. Первоначально он не имел успеха, но после перехода в общественное достояние, стал рождественской классикой. Сейчас он считается одним из величайших фильмов всех времен, одним из лучших рождественских фильмов и самым вдохновляющим американским фильмом за всю историю американского кинематографа [AFFI's, 2012; Arnold, 2018].

Оба фильма стали популярными примерно в одно и то же время, сохраняя популярность до сих пор, оба превратились в киноритуалы наиболее массовых национальных праздников. Причем, их выбор не был навязан сверху, а стал предпочтением

самой массовой аудитории. Это и делает их сравнительный анализ особенно интересным, поскольку он показывает специфику смысловой картины мира двух культур в плане такой ключевой ценности как обновление жизни.

Катафатика и апофатика в культуре

Ключевой в этом плане оказываются апофатическая и катафатическая мировоззренческие установки, определяющие нормативно-ценностное содержание двух культур, включая ценность этой жизни и ее проявлений, отношений в социуме, отношение к самой жизни, другим людям. Речь идет о двух традициях, сложившихся в рамках христианской культуры. Они настолько фундаментальны, что не всегда ясно осознаются, хотя многое определяют в содержании практически всех социально-культурных практик: морали и искусства, политики и науки, образования и бизнеса... Весьма наглядно различия катафатики и апофатики проявляются в интересующих нас двух праздничных ритуалах, связанных в христианстве с началом и завершением земного жизненного пути Спасителя: Его Рождением и Воскресением. Первое акцентировано в западной (католической и протестантской) традиции, где главным праздником является именно Рождество, приход Божественной сущности в этот мир. В ортодоксальной (восточной) традиции главным праздником является Пасха, в которой сведены уход Божественной сущности из этой юдоли страдания и надежда на Спасение и Воздаяние в жизни иной [Есаулов, 2020: 22–24]. В этой связи стоит напомнить и отношение к телесности: в алтарях католических храмах

представлены скульптуры и скульптурные группы, немыслимые в храмах православных с иконописью в обратной перспективе, как окном в мир иной, а не прямой перспективе «живописания» этого мира. Отметим, что подобные скульптуры появились в России – как заимствование европейского дизайна дворцов, усадеб и садово-паркового хозяйства – только в петровскую эпоху.

В богословской традиции катафатика (от греч. **καταφατικός**, «утверждающий») – признает познание Бога посредством постижения его качеств, явленных в этом мире. [Иванов, 2013: 693–696.] В апофатике (от греч. **ἀποφατικός** «отрицательный») Божественная сущность выражается в отрицании всех возможных определений, как несоизмеримых с ее природой. Согласно Ареопагиту,

«Бог не есть ни знание, ни истина, ни царство, ни мудрость, ни единое, ни блаженство, ни дух в том смысле, как мы его знаем... через невидение и незнание видеть и знать то, что само вне видения и знания... Ибо отрицанием всего, что есть, мы видим, знаем и внебытийно славим внебытие» [Дионисий Ареопагит, 1994].

Истина может открыться лишь в глубине, далеко от обычного земного мира [Франк, 2007].

Во всех мировых религиях есть проявления катафатики и апофатики есть. Так, апофатика близка индуизму, даосизму, буддизму. Иудаизм и первоначальное христианство преимущественно апофатичны. Расхождение апофатичности и катафатичности в христианстве складывалось под длительным действием хозяйственных, властных и бытовых практик не без влияния природных факторов и обстоятельств. Оно началось с экономического подъема портовых городов Севера Италии,

затем продолжилось в Нидерландах и Англии, потом в Германии. Накопления доходов, их вложения в новые здания, их архитектуру, в живопись и литературу формировали представления о ценности собственности, стабильного благоустройства, значимости этой жизни, закреплённой Ренессансом и Реформацией. В катафатической установке очень важна хозяйственная деятельность индивида, как раз в жизненном благополучии ему дана надежда на избранность. Эта акцентуация земных благ и целей воплотилась и в формировании науки как источника позитивного знания, в претензии рациональности на преобразовательный активизм.

На Востоке Европы такого опыта не было до конца XV века. Критические условия земледелия, регулярные набеги степных кочевников, завершавшиеся полным разграблением, наглядно показывали, что своим трудом крестьянин и даже купец улучшение жизни своих семей гарантировать не могли. Выживать было легче сообща и под централизованной властью. Короче говоря – от суммы, да от тюрьмы не зарекайся. Апофатическое отношение к миру и жизни в российской истории от века к веку лишь закреплялось, а вместе с ним фиксировалось сознание временности бытия в этом мире, обостренной надежды на суд над этим миром и торжество окончательной справедливости. В этом плане принципиально точно говорить о «пасхальном ядре» русской культуры [Есаулов, 2020: 120]. Так, несомненно, «пасхальна», ориентированная на реализацию чуда воскресения, предложенная Н. Ф. Федоровым идея «общего дела» по воскресению предков, которая оказала влияние на

Л. Н. Толстого, С. В. Соловьева, К. Э. Циолковского (решавшего задачу выхода в космос как техническое обеспечение расселения воскрешаемых предков).

Следствием пасхального апофатизма является утопизм в спектре от маниловщины до революционного активизма. Напряженный, упорядоченный труд не может быть источником успеха и благополучия, но является частью страдания в этой жизни. Поэтому, ему противопоставляется удача, подобный чуду акт творения чаемого «вдруг», «из ничего».

Проследить апофатическую традицию в российско-советском историческом культурном опыте – тематика весьма интересная и широкая [Тульчинский, 2023а; Тульчинский, 2023b]. Но в настоящей работе в центре внимания находится проблема, связанная с тем, каким образом катафатическая и апофатическая установки реализуются в смыслообразовании и какова роль в этом процессе личностного самоопределения.

Два типа семиозиса и субъектности

Любая целостная система (природная, техническая, социальная, концептуальная) проявляет стремление к самосохранению своей целостности (гомеостаз) в определенном интервале взаимодействия со средой. Из информационного потока вырезается, квантуется, фокусируется некая предметная область, поле, в котором функционирует (живет) система. Источником маркировки предстает сама стабильная система, как субъектность, порождающая знаки: значащие для

системы вещи, явления⁶. В этом случае семиозис обусловлен стабильностью системы и направлен на сохранение этой стабильности, воспроизводство субъектности, адаптацию как существование в интервале воздействий, задающего порог различения: ниже его нет распознавания, а превышение – опасно. Выражаясь технически такой семиозис задан структурой системы – ее hard порождает soft, «априорную апперцепцию» в духе И. Канта.

Именно такая традиция понимания семиозиса и субъектности сложилась в зоосемиотике (Т. Себеок), биосемиотике (Я. Фон Иксюль), теории акторных сетей (Б. Латур), в smart-технологиях, разработках искусственного интеллекта. На всех уровнях семиозиса речь идет об уровнях субъектности. Агент, актор, актант, автор, активатор, инструмент (опция, канал), текст, связанный с ним месседж, реципиент – все они обобщаются в этом случае в категорию субъектности. Выход за рамки семиозиса стабильности ведет к сбою или же разрушению системы, после чего требуется замена ее другой: мутация и отбор в биологических системах, усовершенствование – в технических. Распознавание всегда определяется конкретным интервалом возможного реагирования, за пределами которого ничто не распознается – для стабильности в этом кроется возможная угроза. Нетрудно заметить, что такой семиозис и субъектность стабильности носит катафатический характер.

⁶ Стоит напомнить, что тема, предмет рассуждения в логике и ряде европейских языков так и называется – *subject*.

Однако в религии, политике, искусстве, обыденном общении главный интерес представляет не столько заданный алгоритм замысла, сколько смысл неявный, цели, неясно чьи, которые часто скрываются. Такая неопределенность может играть очень даже активную роль. Ее представляют пробелы, умолчания, паузы [Galloway et al., 2014], субмедиальное пространство «до», «за» и «между» знаками [Гройс, 2025: 10], позволяющие в совокупности выстраивать различные смысловые комбинации [Соссюр, 1999: 119]. Речь идет об

«использовании пустоты как источника энергии для воображения»
[Шурина, 2021: 20],

универсальности пустоты, отсутствия, разрыва, которые посредуют возможность любой ситуации [Badiou, 2007].

В этом случае мы фактически имеем дело с апофатическим семиозисом в духе лосевской идеи всеразличающего Ничто [Лосев, 2016], налимовского семантического вакуума – носителя всех возможных смыслов [Налимов, 2011]. В этом же ряду и уже упоминавшаяся концепция, и исчисление различия (индикаций), предложенная Д. Спенсером-Брауном, идеи которого [Spencer-Brown, 1972; Попков, 2022] оказали влияние на социологию (собственные формы [Luhmann, 1999]), кибернетику второго порядка, исследования самоорганизующихся систем [Foester, 2003; Kauffman, 2006].

Еще раньше ситуация развития, порождения нового была удачно описана Аристотелем. В его терминологии это динамика (dynamis) за счет потенции (potenza), соотнесенной

с конкретным субъектом. Дж. Агамбен подчеркивает, что в этом плане

«аристотелевское учение о потенции содержит в себе археологию субъектности: оно представляет собой способ, посредством которого проблема субъекта являет себя мысли, еще не имеющей представления о нем» [Агамбен, 2023: 10–11].

Для Аристотеля обладать (*hexis*) некоей потенцией, как какой-то способностью, означает обладать лишенностью (*steresis*) ее.

*«Способное (*potente*) является таковым потому, что у него что-нибудь есть, а иногда потому, что оно этого чего-то лишено. Если лишенность есть в некотором смысле *hexis*, то способное является таковым потому, что оно обладает неким *hexis*'ом, так и потому, что оно обладает его *steresis*'ом» [Аристотель, 1976: 163].*

Структурная сопринадлежность способности и неспособности – принципиально важна для Аристотеля: неспособность, в данном случае, означает не отсутствие всякой потенции, но потенцию к нереализации способности [Аристотель, 1976: 235]. В «Метафизике», в трактатах «О душе» и «Об истолковании» [Аристотель, 1978: 109] лишенность потенции всегда имеет форму «может не», но никогда – «не может», а выражение «возможно, что не наличествует» ни в коей мере не противоречит выражению «возможно, что наличествует», в отличие от «невозможно, что наличествует». В этой связи Агамбен подчеркивает:

«Если некая потенция-не-быть изначально принадлежит всякой потенции, то поистине мóгущим будет лишь тот, кто в момент перехода в действие не обнулит попросту свою потенцию-не, не оставит ее позади действия, но позволит ей перейти в него как таковую; иными словами, он сможет не-не перейти в действие» [Агамбен, 2023: 20].

Этим для Аристотеля человек отличается от других живых существ, которые способны лишь к собственной специфической потенции, осуществлению поведения, предписанного их биологической природой. Человек же есть животное, способное к собственной неспособности, может собственную немощь – лишь в этом модусе он полноценно владеет своей потенцией. В этом суть такой субъектности – быть и делать, потому что удерживается связь с собственным не-бытием и не-деланием [Аристотель, 1976: 247; Агамбен, 2023: 16–17].

В случае семиозиса как потенциации важен именно выход за привычные рамки в зону лишенности, расширения возможностей за счет создания новых возможностей и сохранения дальнейших их расширений. Поэтому такой семиозис апофатичен, он нацелен на создание «нечто» в «ничто», на смену алгоритма и создание нового.

Апофатический семиозис потенциации предполагает иной тип субъектности – не предзаданной, а способной выходить за рамки данности. Такой способностью обладает пока только человеческое самосознание – рефлексивное самописание, формирующееся обычно к третьему году жизни, когда ребенок осваивает наррацию от первого лица – до этого он, подражая старшим говорит о себе в третьем лице [Damasio, 2010]. Будучи семиотическим по своей природе это рефлексивное самописание противоречиво, допускает А и не-А, где не-А не отрицание существования, а дополнение до универсума [Тульчинский, 2025].

Так «не-стол» означает отсылку ко всему прочему содержанию универсума, что столом не является, а это люди, весь живой мир, космические тела, etc. Этим апофатика отличается от катафатики, дающей предмету познания конкретные (позитивные) характеристики. Апофатическая установка – путь утверждения через отрицание. Субъектность самосознания по сути – эпифеномен социализации и культуры. Однако этот эпифеномен дает возможность его носителю изменять перспективы свой жизни – и не только своей, совмещать реальное и воображаемое. А. Г. Асмолов с коллегами называют это прокреативной преадаптацией – способностью отвечать на внешние воздействия не просто по схеме «стимул-реакция», а веером возможных сценариев поведения [Асмолов и др., 2018].

Более того, субъектность самосознания по самой своей природе апофатична. Она сама является пробелом в бытии, суть незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам. Это весьма соответствует природе человеческого бытия, как нехватки, стремления к «перемене участи». Парадоксально, но главная идентичность самосознающей личности – «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным, к наполнению новым содержанием, способной к самоизменению. Семиотическая по своей природе субъектность не наблюдаема и, фактически, является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого является любой наделенный самосознанием вменяемый индивид. Так же, как и трансцендентальный субъект, субъектность, подобна слепому пятну в глазу, будучи сама

ненаблюдаемой, является условием познания. Буквально находясь в бахтинской позиции вненаходимости, субъектность, в духе А. Бадью, подобна пустоте, которая не уместается в знаки, блуждающий избыток, соединяющий контексты осмысления. Она как универсальный интерфейс, сводит их в смыслообразовании.

Г. Померанц писал, что бытие коренится в сердце души человеческой – и он был глубоко прав. Самосознание, вменяемая субъектность – источник, средство и результат осмысления и смыслообразования как потенцирования бытия. Реализация потенции, «овозможивания» обеспечивается апофатическим семиозисом – способностью выйти за пределы данного сущего, заглянуть за его экран, создать там новое различие предметности. Все успехи цивилизации обеспечены этой способностью, создающей задел прокреации и преадаптивности.

Катафатический стабилизирующий семиозис встроен, «вшит» в систему (In). Апрофатический семиозис потенцирования включает горизонт вовне (Out), «бахтинскую "позицию вненаходимости"», что позволяет фиксировать «лишенность». Оба типа семиозиса и субъектности дополняют друг друга, задавая шкалу (уровни) агентности/субъектности. От hard к очень soft, от заданной алгоритмичности до рефлексивного самоописания, допускающего смену алгоритма. Но в конкретных культурах и их собственных формах акценты на этой шкале могут быть разными. Тем более показательны акцентировки полюсов этой шкалы.

И тут пора обратиться к двум ярким примерам такой акцентировки – сравнительному анализу титульных кинотекстов,

представляющих разный тип семиозиса и роли субъектности как важных для своих культур киноритуалов.

Компаративистика киноритуалов катафатической стабилизации и апофатического потенцирования бытия

Выстроенный выше концептуальный аппарат может показаться излишне громоздким и уводящим далеко в сторону от анализа киноматериала, вынесенного в заголовок настоящей работы. Но это не стрельба из пушек по воробьям. Такой обстоятельный разговор просто необходим для сравнительного анализа двух фильмов, по-своему титульных для своих культур. Как гласит известная мудрость, для того чтобы перепрыгнуть яму, нужно от нее отойти подальше, чтобы лучше разбежаться. И чем обстоятельней выстроен аппарат объяснения, чем компактнее и яснее оказывается само объяснение.

В конце 2025 в медиа активировалось обсуждение в публичном пространстве включения фильма Эльдара Рязанова в новогодние телепрограммы – мол, герой «Иронии судьбы или С легким паром!» (далее – СЛП) какой-то расслабленный, интеллигент, что не соответствует актуальным задачам. Обсуждалось это на полном серьезе, а главное недоумение вызывало – почему же он так ритуально любим зрителями, почему интерес вызывают его римейки, сиквелы и приквелы... Не менее «загадочна» и судьба «It's a wonderful life» (далее – IWL, в отечественном прокате фильм назывался «Эта замечательная жизнь») 1946 года – фильма, с тех пор самого воодушевляющего американцев и самого смотримого на Рождество в США. Можно

сказать, что эти фильмы являются не просто киноритуалами, не только существенными для российской и американской культур, но и концентрированным выражением их собственных форм, активно способствуя их самовоспроизводству в новых поколениях.

«It's a wonderful life» (IWL) – гимн катафатическому мировосприятию, ценности этой жизни, когда ты своими делами меняешь ее. Не эффектом просто своего бытия в духе раздавленной случайно бабочки из рассказа Р. Брэдбери, а именно – делами.

Ил. 1. Актер Джон Стюарт в роли Джорджа Бэйли. Кадр из фильма «It's a wonderful life» (реж. Ф. Капра, 1946, США; 01:15:09 – 01:30:35). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/dzzGk>

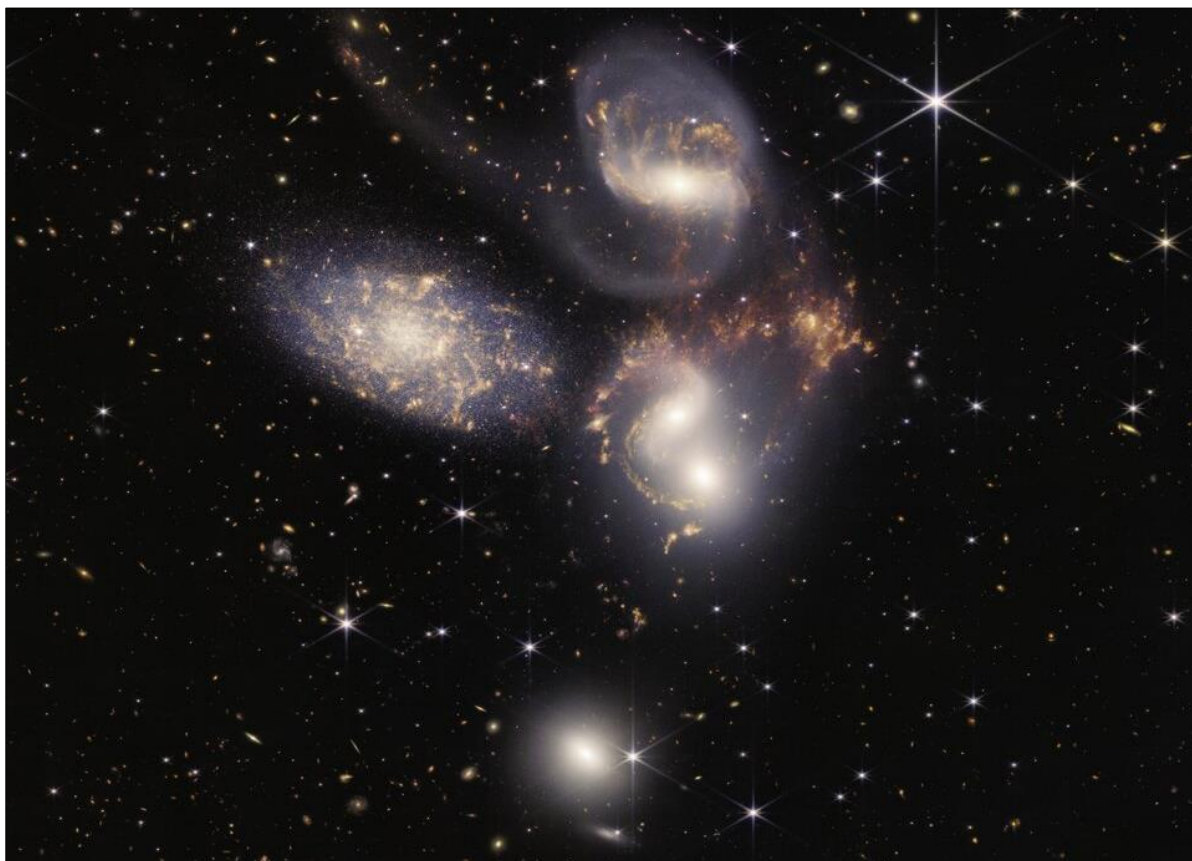
Джордж Бэйли с детства мечтал покинуть свой городок Бедфорд-Фоллс (в переводе, буквально – то ли «водопады плохого брода», то ли «пороги, перекаты плохого брода»), много путешествовать и строить большие здания. Но судьба его

сложилась иначе. Умер отец, и он остался вести дела семейной кредитной компании, конкурентом которой являлся жадный банкир Поттер, в противостоянии которому Джордж постоянно помогал беднякам, которые благодаря этому поднимались на ноги. Джордж спас от гибели младшего брата, женился, у него образовалась большая семья, а мечта много путешествовать и строить большие здания отодвигалась в несбыточное. А тут еще в канун Рождества родственник потерял крупную сумму денег, доставшихся Поттеру, что сделало Джорджа несостоятельным должником. Все это привело героя к глубокому кризису и идее суицида (ил. 1–2).

Ил. 2. Джордж Бейли глубоко подавлен: банкротство семейной кредитной компании, обвинения в растрате, давление циничного банкира Поттера. В отчаянии он думает, что смерть станет лучшим решением проблем. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/lpyLK>

И тут вмешивается Высшая сила (ил. 3), отслеживающая всю жизнь героя с самого начала фильма и посылающая ему ангела-хранителя Кларенса, у которого еще нет крыльев, но он может их получить, если спасет героя.

Ил. 3. Группа галактик NGC 7318 и NGC 7320 визуализируют разговаривающих на небесах ангелов, которые обсуждали судьбу главного героя Джорджа Бейли. Составное трехцветное изображение Квинтета Стефана, полученное при помощи H-альфа фильтра со скоростью удаления 4200 миль в секунду. Снимок сделан с помощью телескопа «Субару» (2011 г.). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.su/QbJdB>

Кларенс падает с неба в воду у моста, с которого готовится прыгать Джордж, который и вытаскивает Кларенса из воды (ил. 4), а в завязавшемся разговоре жалуется ему на свою жизнь и говорит, что лучше бы он вообще не родился (ил. 5).

Ил. 4. Ангел второго класса Кларенс Одбоди прыгнул в ледяную воду с моста, чтобы спасти Джорджа Бейли. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://vkvideo.ru/video-207691718_456261240

Ил. 5. Ангел Кларенс возвращает Джорджу веру в себя. Генри Треверс в роли ангела Кларенса. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/PaRkC>

Тогда Кларенс показывает Джорджу альтернативный мир, в котором тот вообще никогда не появлялся на свет и не помогал людям. Городок превратился в мрачное место под властью банкира Поттера, любимый брат погиб еще в детстве, потому что герой не смог его спасти, а близкие люди, друзья, жена оказались несчастны, одиноки и совсем не узнают его (ил. 6–9).

Ил. 6. Молодой Джордж Бейли узнает в пожилом человеке аптекаря мистера Гауэру, который совершил трагическую ошибку с лекарством. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/mySxf>

Ил. 7. Джордж Бейли попадает в свой старый дом в будущем. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/uxdct>

Ил. 8. Мэри Хатч в баре, где Джордж Бейли говорит по телефону. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.su/qwTGg>

Ил. 9. Джордж Бейли в состоянии глубокого эмоционального потрясения, отчаяния и паники. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.su/htfwn>

И Джордж просит вернуть его в реальный мир. И в этом мире, как раз на Рождество, брат вернулся с войны героем. Ангел Кларенс заработал крылья. А жители городка, которым когда-то помог Джордж, собирают в его поддержку деньги (ил. 10), сумма которых кратно превышает его долг и делает Джорджа самым состоятельным жителем города. Торжество общего блага количественно воплощается во всеобщем эквиваленте.

Ил. 10. Жители города Бедфорд Фоллс приходят на помощь Джорджу Бейли. Кадр из фильма «It's a wonderful life». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/WWTxT>

Фактически, возвращение Джорджа в реальный мир в само Рождество оказывается то ли торжеством, то ли возвращением позитивной сущности в мир. Досмотрев фильм до конца, понимаешь, почему главный праздник в западном христианстве

именно Рождество – явление Божественной сущности в мир, наполнение мира и этой жизни позитивным смыслом.

В IWL семиозис катафатичен. В качестве ключевой субъектности, потенциатора маркировки судеб персонажей выступает Высшая Сила. Она, пусть даже и не очень четко персонифицировано представлена в фильме некоей космической туманностью, но, зато, звучит Ее голос, который артикулирует Ее замысел и делегирует исполнение этого замысла конкретному посреднику-агенту. «Субъектность», остальных персонажей выполняет алгоритм этого главного замысла. Некоторую самостоятельную потенцию реализует супруга главного героя, запуская сюжет финансовой поддержки со стороны жителей городка. Характерно, что в самом фильме прямо не показано, как она обходит их с предложением поддержать супруга. Это становится ясным из развития событий и нескольких косвенных реплик.

Сюжет СЛП построен на предельно маловероятной завязке. Собирающийся сделать предложение своей невесте москвич Женя Лукашин по сложившейся традиции в канун Нового года идет с друзьями в баню.

Там друзья сильно напиваются (ил. 11) и Женя вместо одного из друзей по ошибке улетает в Ленинград (ил. 12), где по адресу, полностью совпадающему с его московским в новостройке, попадает в чужую квартиру с идентичной планировкой и мебелью, безо всяких проблем открывающуюся таким же ключом, как и его собственный. Так и не протрезвев он укладывается спать. Будит его появившаяся хозяйка Надя Шевелева, безуспешно пытающаяся выгнать пьяного и упрямого незнакомца, абсолютно уверенного, что он находится у себя дома (ил. 13).

Ил. 11. Знаменитая сцена в бане, где друзья пьют пиво перед роковой поездкой в Ленинград. Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» (Э.Рязанов, 1975, СССР). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/kbGHN>

Ил. 12. Сцена в аэропорту, когда друзья пытаются выяснить, кто же из них летит в Ленинград. Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/gfyx>

Ил. 13. Надежда обнаруживает в своей ленинградской квартире спящего на кушетке незнакомого мужчину – Жена Лукашина. Фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.su/kZCWg>

Ил. 14. Женя Лукашин укрыт клетчатым пледом на кушетке, а в квартиру возвращается жених Нади – Ипполит. Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.su/fQHec>

Усугубляет ситуацию появление Ипполита – солидного и ревнивого жениха Нади, который, видя чужого расслабленного мужчину в доме невесты, предсказуемо устраивает скандал (ил. 14), уходя, возвращаясь и опять уходя. За это время Женя и Надя разбираются в ситуации, разыгрывают сцену перед подругами Жени, пришедшими знакомиться с женихом подруги, да к тому же еще и понимают, что у них много общего (ил. 15). Окончательно протрезвев, Женя улетает в Москву. Надя решает приехать к нему, и герои обретают надежду на счастливое общее будущее (ил. 16).

Ил. 15. Евгений Лукашин (Андрей Мягков) просит Надию (Барбару Брыльску) исполнять песню и передает ей инструмент. Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://soundtimes.ru/images/pesni4/577.jpg>

Этот сюжет показательно апофатичен. Персонажи своими действиями, по сюжету совершенно случайными, создают неопре-

Ил. 16. Надя Шевелёва (Барбара Брыльска) в меховой шапке и пальто, сидящая у постели спящего Жени Лукашина (Андрей Мягков) в его московской квартире. Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/hQJgs>

деленности в уже сложившейся рутине своей жизни и ее перспективах, заново маркируя эту неопределенность и выстраивая совершенно новые горизонты своей жизни. Если в этом и присутствует Высшая сила, то ее замысел оказывается не представлен. События развиваются буквально по правилу «упования наши на Господа должны быть настолько полными, что не должны его примешивать к нашим делам» – все в Его силах, но нам не дано знание о Его мотивации.

Дополнительным развитием этой апофатической темы является звучащая в фильме песня «Если у вас нету тети» Микаэла

Таривердиева на стихи Александра Аронова в исполнении Сергея Никитина с ее припевом:

«...Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь,
Иметь или не иметь.
И словами:
...А если вы не живете,
То вам и не, то вам и не,
То вам и не умирать,
Не умирать [Аронов, 2026].

Показательно, что при всех принципиальных различиях оба анализируемых фильма объединяет роль женского персонажа, по собственной инициативе, потенцирующим образом ставящего окончательную маркировку в развитии событий. Жена Джорджа не по заданию Высшей силы, но по собственной инициативе обходит жителей городка, запуская алгоритм сбора средств для выплаты долга. А Надя совершенно неожиданно для спящего героя приезжает в Ленинград и открывает своим ключом дверь его квартиры, создавая новую жизненную ситуацию.

Разумеется, в обоих фильмах реализован нарратив, авторами которого являются сценаристы, режиссеры и вся съемочная группа. Но в этих нарративах довольно четко и ясно представлена смысловая картина мира, свойственная той культуре, носителями которой они являются и как раз эти собственные формы воспроизводятся в каждом из фильмов.

Ergo: вместо заключения

Проведенное рассмотрение показывает, что кинофильм может стать киноритуалом при выполнении нескольких важных

условий. Во-первых, в самом его содержании желательна презентация культурных традиций, свойственных конкретной культуре. Во-вторых, воплощаемая в кинотексте наррация должна реализовывать семиозис, составляющий фундамент смысловой картины мира этой культуры, в основе которой лежат катафатическая и/или также апофатическая мировоззренческие установки. И, в-третьих, реализатором смыслообразования должна быть соответствующая субъектность, а значит и тип личности, эту самую культуру воспроизводящий.

Литература

- Агамбен, Д. (2023). Потенция мысли. *Versus*, 3(2), 6–23. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-6-23>
- Аристотель. (1976). *Метафизика. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1* (с. 63–368). Москва: Мысль.
- Аристотель. (1978). *Об истолковании. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2.* (с. 91–116). Москва: Мысль.
- Аронов, А. (2026). Ария московского гостя. *Kino-teatr.ru: сайт*. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2732/song/?ysclid=mul8xho3e828839013> (дата обращения: 16.08.2026).
- Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., & Черноризов, А. М. (2018). *Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции: материалы к обсуждению проблем эволюции на совместном семинаре Института психологии РАН и факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова*. Москва: Акрополь.
- Витютенев, Ю. Ю., Макаров, А. И., & Яворский, Д. Р. (ред.). (2012). *Ритмология культуры: очерки: монография*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гройс, Б. (2025). *Под подозрением. Феноменология медиа*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Дионисий Ареопагит. (1994). *О Божественных именах; О мистическом богословии*. Санкт-Петербург: Глагол.
- Есаулов, И. А. (2020). *Пасхальность русской словесности: монография*. Магадан: Новое Время.
- Золян, С. Т., & Тульчинский, Г. Л. (2024). *Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика*. Москва: ЯСК.
- Иванов, М. С. (2013). Катафатическое (утвердительное) богословие. *Православная энциклопедия*. Т. 31 (с. 693–696). Москва: Православная энциклопедия.
- Лосев, А. Ф. (2016). *Философия имени*. Москва: Изд-во Олега Абышко.

- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки.* Санкт-Петербург: Искусство-СПб.
- Луман, Н. Л. (2004). *Общество как социальная система.* Москва: Логос.
- Налимов, В. В. (2011). *Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности.* Москва: Парадигма: Академический Проект.
- Попков, В. В. (2022). *Математика сознания. Глубинные истоки мышления и «Законы формы» Дж.Спенсера-Брауна.* Москва: Ленанд.
- Соссюр, Ф. де. (1999). *Курс общей лингвистики.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Тульчинский, Г. Л. (2019). Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики». *Вопросы философии*, 11, 115–125. <https://doi.org/10.31857/S004287440007358-8>
- Тульчинский, Г. Л. (2023a). Апофатическая традиция в советском марксизме. *Наследие*, 2(23), 8–19. <https://doi.org/10.31119/hrtg.2023.2.1>
- Тульчинский, Г. Л. (2023b). Апофатический семиозис: источники, содержание и потенциал. *Наследие*, 1(22), 8–28.
- Тульчинский, Г. Л. (2025). Онтология отрицания: смыслообразование и логика. *Реальность как философская проблема: монография* (с. 266–291). Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС.
- Тэрнер, В. У. (1983). *Символ и ритуал.* Москва: Наука.
- Фещенко, В. В. (2020). *Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук.* Москва: ИЯ РАН.
- Франк, С. Л. (2007). *Реальность и человек: метафизика человеческого бытия.* Москва: АСТ.
- Шурипа, С. (2021). *Действие и смысл в искусстве второй половины XX века.* Санкт-Петербург; Москва: Rugram Пальмира.
- AFI's 100 Years ... 100 Cheers: the 100 most inspiring films of all time (n.d.). *American Film Institute: website.* URL: <https://www.afi.com/afis-100-years-100-cheers/> (accessed: 01.08.2026).
- Arnold, J. (2018). *Turner Classic Movies: Christmas in the Movies.* Philadelphia: Running Press.
- Badiou, A. (2007). *Being and Event.* New York: Continuum.
- Damasio, A. (2010). *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain.* New York: Pantheon.
- Foerster, H. (1960). On Self-organizing Systems and their Environments. *Self-Organizing Systems* (pp. 31–50). Oxford: Pergamon Press.
- Foerster, H. von. (2003). *Understanding understanding: Essays on Cybernetics and Cognition.* New York: Springer-Verlag.
- Galloway, A. R., Thacker, E., & Wark, M. (2014). *Ex-communication. Three inquiries in media and mediation.* Chicago: The University of Chicago Press.
- Kauffman, L. H. (2006). *Formal Knot Theory.* New York: Dover Publ.
- Kauffman, S. (2005). Eigenform. *Kybernetes: The International Journal of Systems and Cybernetics*, 34 (1/2), 129–150. <https://doi.org/10.1108/03684920510575780>

- Luhmann, N. (1999). Sign as form. *Problems of form* (pp. 46–63). Stanford: Stanford University Press.
- Spencer-Brown, G. (1972). *Laws of Form*. London: Allen & Unwin.

References

- AFI's 100 Years ... 100 Cheers: the 100 most inspiring films of all time (n.d.). *American Film Institute: website*. URL: <https://www.afi.com/afis-100-years-100-cheers/> (accessed: 01.08.2026).
- Agamben, D. (2023). The Potential of Thought. *Versus*, 3(2), 6–23. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-6-23> (In Russian).
- Aristotle. (1976). Metaphysics. Aristotle. *Works: in 4 vols. Vol. 1* (pp. 63–368). Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Aristotle. (1978). On Interpretation. Aristotle. *Works: in 4 vols. Vol. 2* (pp. 91–116). Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Arnold, J. (2018). *Turner Classic Movies: Christmas in the Movies*. Philadelphia: Running Press.
- Aronov, A. (2026). The aria of the Moscow guest. *Kino-teatr.ru: website*. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2732/song/?ysclid=mul8xho3e828839013> (accessed: 16.08.2026). (In Russian).
- Asmolv, A. G., Shekhter, E. D., & Chernorizov, A. M. (2018). *Pre-adaptation to Uncertainty: Unpredictable Routes of Evolution: materials for the discussion of the problems of evolution at a joint seminar of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences and the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University*. Moscow: Akropol Publ. (In Russian).
- Badiou, A. (2007). *Being and Event*. New York: Continuum.
- Damasio, A. (2010). *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon.
- Dionysius the Areopagite. (1994). *On the Divine Names; On Mystical Theology*. Saint Petersburg: Glagol Publ. (In Russian).
- Esaulov, I. A. (2020). *The Easterliness of Russian Literature: the monograph*. Magadan: Novoe Vremya Publ. (In Russian).
- Feshchenko, V. V. (2020). *Linguo-aesthetic turn in language theory and artistic language experimentation: dissertation for the degree of Doctor of Philology*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Foerster, H. (1960). *On Self-organizing Systems and their Environments. Self-Organizing Systems* (pp. 31–50). Oxford: Pergamon Press.
- Foerster, H. von. (2003). *Understanding understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer-Verlag.
- Frank, S. L. (2007). *Reality and Man: metaphysics of Human Existence*. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Galloway, A. R., Thacker, E., & Wark, M. (2014). *Ex-communication. Three inquiries in media and mediation*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Groys, B. (2025). *Under Suspicion. Phenomenology of Media*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Ivanov, M. S. (2013). *Cataphatic (Affirmative) Theology. Orthodox Encyclopedia. Vol. 31* (pp. 693–696). Moscow: Orthodox Encyclopedia Publ. (In Russian).
- Kauffman, L. H. (2006). *Formal Knot Theory*. New York: Dover Publ.
- Kauffman, S. (2005). Eigenform. *Kybernetes: The International Journal of Systems and Cybernetics*, 34 (1/2), 129–150. <https://doi.org/10.1108/03684920510575780>
- Losev, A. F. (2016). *Philosophy of the Name*. Moscow: Oleg Abyshko Publishing House. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (2010). *Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ. (In Russian).
- Luhmann, N. (1999). Sign as form. *Problems of form* (pp. 46–63). Stanford: Stanford University Press.
- Luhmann, N. L. (2004). *Society as a Social System*. Moscow: Logos. (In Russian).
- Nalimov, V. V. (2011). *Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and the Semantic Architectonics of Personality*. Moscow: Paradigma Publ.: Akademicheskii Proekt. Publ. (In Russian).
- Popkov, V. V. (2022). *Mathematics of Consciousness. The Deep Roots of Thinking and J. Spencer-Brown's "Laws of Form"*. Moscow: Lenand Publ. (In Russian).
- Saussure, F. de. (1999). *Course in General Linguistics*. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian).
- Shuripa, S. (2021). *Action and Meaning in the Art of the Second Half of the 20th Century*. Saint Petersburg; Moscow: Rugram Palmyra Publ. (In Russian).
- Spencer-Brown, G. (1972). *Laws of Form*. London: Allen & Unwin.
- Tulchinsky, G. L. (2019). Expanding the possibilities of semiotic analysis: sources and content of the concept of "deep semiotics". *Voprosy Filosofii*, 11, 115–125. <https://doi.org/10.31857/S004287440007358-8> (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2023a). The apophatic tradition in Soviet Marxism. *Heritage*, 2(23), 8–19. <https://doi.org/10.31119/hrtg.2023.2.1> (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2023b). Apophatic semiosis: sources, content and potential. *Heritage*, 1(22), 8–28. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2025). *The ontology of negation: meaning-formation and logic. Reality as a philosophical problem: collective monograph* (pp. 266–291). Saint Petersburg: POLYTECH-PRESS. (In Russian).
- Turner, V. W. (1983). *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Vityutenev, Yu. Yu., Makarov, A. I., & Yavorsky, D. R. (eds.). (2012). *Rhythmology of Culture: Essays: the monograph*. Saint Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).
- Zolyan, S. T., & Tulchinsky, G. L. (2024). *Dynamics of Meaning: Deep Semiotics and Stereometric Semantics*. Moscow: YASK Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 23.06.2026
Поступила после рецензирования / Revised 28.07.2026
Принята к публикации / Accepted 04.09.2026

Об авторе / About the author

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16); Политехнический университет Петра Великого (Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 литера Б); научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14).
ORCID: 0000-0002-5820-7333, gtul@mail.ru

Tulchinskii Grigorii Lvovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor. National Research University Higher School of Economics–Saint Petersburg (16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia); Peter the Great Polytechnic University (29, building B, Politekhnikeskaya St., Saint Petersburg, 195251, Russia); researcher. Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236041, Russia).
ORCID: 0000-0002-5820-7333, gtul@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest.